

ИНТЕРВЬЮ

Генерального директора Центра экологических инвестиций Михаила Юлкина компании КПМГ (KPMG)

25 июля 2016 г.

25 июля т.г. Генеральный директор АНО «Центр экологических инвестиций» Михаил Юлкин ответил на вопросы (анкету) КРМГ касательно ратификации Парижского соглашения и управления выбросами парниковых газов в России.

КПМГ: Прошедший год, завершилcя принятием Парижского соглашения, которое дало новый импульс дискуссиям на климатическую тему и, возможно, станет стимулом для дальнейшего развития государственных инициатив в области регулирования выбросов парниковых газов. Какие аспекты Парижского соглашения Вы считаете наиболее существенными для Российского бизнеса?

М.ЮЛКИН: Прежде всего, нужно иметь в виду, что Парижское соглашение касается *всех*. Если в предыдущем климатическом соглашении – Киотском протоколе, обязательства по ограничению и сокращению выбросов парниковых газов были только у промышленно развитых стран, то теперь все страны, и развитые, и развивающиеся (кроме совсем уж крошечных островных государств), должны будут внести вклад в смягчение глобальных климатических изменений путем ограничения и сокращения своих выбросов парниковых газов. Второе: Парижское соглашение – это *надолго*. Практически навсегда. Если в Киотском протоколе счет шел на годы (5 лет – первый период, 8 лет – второй), то Парижское соглашение оперирует другой категорией – столетием. Цели и задачи в Парижском соглашении формулируются на весь 21-й век. И это не просто другой отрезок времени. По сути, Парижское соглашение задает долгосрочный тренд развития глобальной экономики до конца века. И бизнес обязан это учитывать. Ну, и наконец, третье. Парижское соглашение определяет в качестве конечной цели не просто сокращение выбросов парниковых газов, а их сокращение *до нуля*. Т.е. результатом усилий всех стран в долгосрочной перспективе (вторая половина века) должно стать такое положение дел, при котором антропогенные выбросы парниковых газов балансируются (компенсируются) их поглощениями, так что воздействие человека на климат стремится к нулю. А для этого потребуются технологическая перестройка экономики во всех без исключения странах с ее переводом на принципы устойчивого низкоуглеродного развития. Во многих странах этот процесс уже начался, и мы ни в коем случае не должны (не можем себе позволить) отстать или остаться в стороне. Как пелось в одной известной песне В.С.Высоцкого, «нам этого потомки не простят».

КПМГ: Несмотря на то, что Парижское соглашение, в отличие, например, от Киотского протокола, не предполагает международных количественных обязательств по сокращению выбросов, дискуссии вокруг подписания и ратификации этого документа в России принимают гораздо более ожесточенный характер, чем это было раньше – во время ратификации КП. Что, по Вашему мнению, вызывает особенную озабоченность российских «климатических скептиков» в Парижском соглашении и возможных последствиях его ратификации?

М.ЮЛКИН: Ну, дискуссий и спекуляций вокруг Киотского протокола тоже было немало. До последнего было неясно, ратифицируем мы его или нет. РАН была против. Экономический советник Президента РФ был против. И даже писал аналитические тексты, в которых называл Киотский протокол Гулагом для экономики. Президент РФ на глобальном климатическом форуме в Москве во всеуслышание заявлял, что для России небольшое потепление климата – это благо.

В общем, страсти кипели нешуточные. Но тогда, по крайней мере, для этого были хоть какие-то основания. Во-первых, в России сменилась власть и люди во власти. Новым кадрам нужно было время, чтобы разобраться с наследием, которое им досталось от предшественников. Во-вторых, обстоятельства сложились так, что ратификация Киотского протокола Россией давала ему путевку в жизнь, а без российской ратификации он так бы и остался мертвой бумагой. Соответственно, была реальная возможность, а значит, и соблазн поторговаться и выторговать себе какие-то преференции во внешнеполитической сфере.

Так или иначе, но у той истории оказался счастливый конец. Хотя байка приписывает это чуду: мол, из Минэкономразвития в Правительство отправили отрицательное заключение по Киотскому протоколу, а в Правительстве получили положительное и сразу дали делу ход. Сколько в этой байке правды, а сколько веселого вымысла, сказать не могу, но обстановку того времени она характеризует довольно точно. Впрочем, странные превращения, приключавшиеся с важными государственными бумагами в пути, были описаны в русской литературе задолго до этого случая. Взять хотя бы бессмертную «Сказку о царе Салтане» А.С.Пушкина. Там вокруг такой подмены чуть ли не весь сюжет вертится.

В этом смысле нынешняя полемика вокруг Парижского соглашения принципиально не отличается от того, что было 13-15 лет назад в связи с Киотским протоколом. Хотя кое-какая разница все-таки есть.

Во-первых, со времени голосования за новое климатическое соглашение на 21-й Конференции сторон РКИК в Париже и его последующего торжественного подписания в Нью-Йорке власть и люди во власти в России не поменялись (ну, если только предстоящие парламентские выборы в сентябре т.г. не изменят политический ландшафт в Думе и в Правительстве до неузнаваемости, во что верится с трудом). И раз сказав «да» соглашению, они теперь должны это «да» подтвердить его скорейшей ратификацией. Во-вторых, на этот раз у России нет ключа (решающего слова). Парижское соглашение с высокой вероятностью вступит в силу и без российской ратификации (если, опять же, не произойдет что-нибудь экстраординарное, типа, например, победы Д. Трампа на выборах президента США). А раз так, то оснований для внешнеполитической игры и торговли Парижским соглашением вроде бы нет. Зато у записных патриотов появился повод попиариться и заявить о себе, обвинив мировую закулису и ее приспешников в России в попытке подрыва российской экономики посредством или под видом борьбы с изменением климата. Это сильно смахивает на паранойю. Но с другой стороны, нам ли не знать, как часто донос и оговор (навет) служат оружием недобросовестной политической борьбы? Тут можно снова вспомнить бессмертную «Сказку о царе Салтане» А.С.Пушкина. А можно заглянуть в наше относительно недавнее прошлое и предположить, пользуясь словами учителя И.С.Мельникова из фильма «Доживем до понедельника», что этих критиков Парижского соглашения «вдохновляют воспоминания».

Некоторая часть российского бизнеса тоже сопротивляется и тоже пытается обвинять Парижское соглашение во всех смертных грехах, видя в нем прямую угрозу. Но на самом деле, угроза для России и для российского бизнеса состоит не в принятии (ратификации) Парижского соглашения, а в выборе стратегии развития, идущей вразрез с мировыми трендами, определяемыми этим соглашением. Отгородиться от этих глобальных трендов и продолжать, как ни в чем не бывало, развиваться дальше в режиме business-as-usual все равно не получится (собственно, уже не получается). Однако, не умея перестроиться, некоторые бизнесы, ориентированные, как правило, на традиционные природные ресурсы, стремятся затормозить процесс и выиграть время. Дополнительным фактором служит сложившаяся система государственной поддержки (читай: субсидирования) различных секторов и видов деятельности. Перестройка экономики на новый лад неминуемо приведет к демонтажу этой системы, к смене приоритетов, в результате чего некоторые традиционные бизнесы могут разом

лишиться и привычных комфортных условий, и части денег. Кроме того, сильным раздражителем послужило начавшееся в России обсуждение концепции углеродной цены, предусматривающей взимание платы за выбросы парниковых газов. К сожалению, серьезного профессионального разговора на эту тему пока не получается. А получается то, что в блогах сегодня именуют смачным словом «срач». И виноваты в этом, на мой взгляд, обе стороны – и те, кто концепцию углеродной цены продвигает, и те, кто ей оппонирует.

КПМГ: Существуют ли какие-либо положительные экономические аспекты, для России в целом и для крупного бизнеса - в частности, в создании государственной системы регулирования выбросов парниковых газов, (не считая ее основного предназначения - выполнения государственной цели по сокращению выбросов парниковых газов)? Какая форма государственного углеродного регулирования была бы оптимальна для России?

М.ЮЛКИН: Задача регулирования выбросов парниковых газов состоит не в том, чтобы заставить компании платить за свои выбросы парниковых газов неподъемную цену, а в том, чтобы послать бизнесу правильные сигналы и помочь ему перестроиться. Поэтому у системы регулирования выбросов должны быть и свои кнуты, и свои пряники. Лично мне кажется, что России больше подошла бы система углеродных налогов или платежей за выбросы парниковых газов, дополненная схемой торговли сокращениями выбросов парниковых газов от реализации проектов. Вкратце эту систему можно описать так:

- Объектом налогообложения (платы) являются прямые выбросы ПГ, за которые компании отчитываются.
- Налог (плата) начисляется не на весь объем выбросов ПГ, а только на часть. Соответственно, должны быть предусмотрены вычеты, причем для разных отраслей – разные. Например, на первом этапе вычеты могут составлять 90% от общего объема выбросов ПГ, на втором – 80%, потом – 70%, потом – 50% и т.д., пока наконец не настанет момент, когда налог (плата) станут начисляться на весь объем выбросов.
- Ставка налога (платы) за выбросы ПГ должна постепенно (и предсказуемо!) увеличиваться по мере уменьшения вычетов и синхронно с ним.
- У предприятий должна быть возможность компенсировать свои выбросы после вычетов (т.е. возможность еще уменьшить свои выбросы, за которые взимается налог (плата)) путем участия в реализации проектов (за пределами своих организационных границ), которые приводят к сокращению выбросов ПГ. Т.е. должен быть создан рынок углеродных проектов и соответствующих проектных сокращений выбросов ПГ.
- Начисленная сумма налога (платы) за выбросы ПГ списывается на затраты организации до налога на прибыль.
- Средства, мобилизованные через налог (плату) за выбросы ПГ, должны использоваться исключительно на цели, связанные с сокращением выбросов ПГ (финансирование НИОКР, разработка новых технологий, поддержка инвестиционных проектов, т.д.).
- Введение платы за выбросы ПГ должно сопровождаться уменьшением платежей за выбросы обычных загрязняющих веществ, а также общего количества таких веществ, подлежащих регулированию на федеральном уровне. Вообще, на мой взгляд, регулирование выбросов в атмосферу обычных загрязняющих веществ должно, в основном, перейти на уровень регионов

и муниципалитетов, за исключением выбросов SO_x, NO_x, летучих органических соединений и некоторых других веществ, являющихся предметом международных соглашений РФ.

КПМГ: В какой степени углеродная отчетность может способствовать принятию обоснованных и эффективных решений в области регулирования выбросов парниковых газов? Какую роль при этом может играть независимое заверение углеродной отчетности?

М.ЮЛКИН: Прежде чем вводить какое бы ни то было регулирование, следует разобраться с тем, кто сколько выбрасывает и какие возможности для сокращения выбросов имеет. Это важно понимать как регулирующим органам, так и самим компаниям, которые являются эмиттерами парниковых газов. А для этого нужна обязательная отчетность по ПГ, выполняемая по единым правилам и методикам. В идеале представляемая компаниями в органы власти отчетность должна проходить через процедуру независимого заверения компетентной организацией. Собственно, по многим другим выбросам, за которые компании отчитываются и платят, так и происходит. Замеры выполняют специализированные аккредитованные организации, имеющие для этого необходимое оборудование, опыт, знания и навыки. Такая же практика должна рано или поздно сложиться и в отношении парниковых газов. На самом деле, многие компании это понимают. Уже сейчас многие заказчики просят нас не подготовить для (вместо) них отчеты о выбросах ПГ, а проверить подготовленные ими самостоятельно отчеты.

КПМГ: Известны ли Вам примеры того, как корпоративная углеродная отчетность способствовала повышению инвестиционной привлекательности компании и/или конкурентоспособности ее продукции?

М.ЮЛКИН: Известны. Прежде всего, я бы назвал в качестве примера Архангельский ЦБК, Лесозавод 25, Нижнекамскнефтехим, ЕВРАЗ, Газпром. В последнее время инвестиционные возможности и преимущества углеродной отчетности оценили некоторые крупные российские ритейлеры. Например, компания Леруа Мерлен Восток.

КПМГ: Существует ли в настоящее время возможность участия крупного российского бизнеса в системах добровольной торговли углеродными единицами?

М.ЮЛКИН: Нет, не существует. Формально никто не запрещает российским компаниям подготовить проекты и верифицировать их по каким-то международным стандартам. Например, VCS, VER+ и/или Gold Standard. Но практического (коммерческого) смысла в этом немного, т.к. продать достигнутые сокращения выбросов ПГ российские компании не смогут по целому ряду внутренних и внешних причин.

КПМГ: Как Вы оцениваете готовность Российского бизнеса и субъектов федерации к внедрению обязательной углеродной отчетности? Какие меры необходимо принять руководителям предприятий, чтобы минимизировать риски и издержки и полностью использовать возможности системы мониторинга и отчетности?

М.ЮЛКИН: В целом, оцениваю готовность российского бизнеса (за исключением нескольких передовиков) и субъектов Российской Федерации к внедрению углеродной отчетности как крайне низкую. Прежде всего, руководители российских компаний должны осознать, что в современных условиях выбросы парниковых газов и в целом углеродный след компаний и производимой ими продукции – это не столько вопрос экологии, сколько вопрос конкурентоспособности компаний на товарных и финансовых рынках, это вопрос долгосрочной стратегии развития бизнеса, работы с инвесторами, потребителями (покупателями) и общественностью. Только при таком адекватном отношении можно будет вывести корпоративное управление выбросами ПГ на должный уровень.

КПМГ: Какие дополнительные возможности может получить компания при проведении оценки углеродного следа?

М.ЮЛКИН: Оценка (мониторинг) углеродного следа компании и производимой ею продукции должна стать важнейшим элементом системы принятия решений в компаниях и корпоративной отчетности. Во-первых, компании, которые готовят и представляют углеродную отчетность, особенно верифицированную (т.е. заверенную независимой третьей стороной), выгодно отличаются в глазах инвесторов и покупателей от тех, кто такую отчетность не ведет и о своих выбросах не заботится. Во-вторых, компании, которые осуществляют целенаправленную политику и меры с целью сокращения своих выбросов ПГ (углеродного следа), имеют преимущество перед теми своими конкурентами, которые этого не делают или делают бессистемно. Ну, и наконец, в-третьих, компании, которые характеризуются меньшим углеродным следом и продукция которых отличается пониженной углеродоемкостью (т.е. меньшими удельными выбросами ПГ на протяжении своего жизненного цикла), имеют, и чем дальше, тем больше, преимущество перед конкурентами в борьбе за деньги потребителей (покупателей), кредиторов и инвесторов. Вообще, тренд в сторону «зеленых» инвестиций и «зеленой» продукции становится в последнее время доминирующим во многих странах и приобретает глобальный характер. Чтобы быть в тренде, нужно вести учет выбросов парниковых газов, в том числе по цепочке поставок, и предпринимать меры для их сокращения. Это сегодня безусловно выигрышная стратегия.